

ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
В КОТОРОЕ НИКТО НЕ ПОВЕРИЛ

NETFLIX

РЕАЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ
ВДОХНОВИЛИ
НА СОЗДАНИЕ
СЕРИАЛА

НЕВЕРОЯТНОЕ

Т. КРИСТИАН МИЛЛЕР | КЕН АРМСТРОНГ

ОБЛАДАТЕЛИ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

18+

**Т. Кристиан Миллер
Кен Армстронг**

**Невероятное. История
преступления, в которое
никто не поверил**

**Серия «Criminal Story.
Психология преступления»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53475973

*Невероятное : история преступления, в которое никто не поверил:
ISBN 978-5-04-100980-9*

Аннотация

Утром Мари Адлер позвонила в полицию, чтобы заявить об изнасиловании. Она несколько раз рассказала о происшествии, но ни следователи, ни близкие ей не поверили. Тогда Мари решила, что проще будет отозвать заявление – с этого момента ее жизнь превратилась в кошмар.

Эта мощнейшая драма рассказывает историю одной ошибки, которая породила целую серию преступлений, разрушив жизни нескольких женщин. Основываясь на следственных материалах и интервью с участниками дела, авторам книги удалось проследить корни скептицизма, с которым сталкиваются многие

жертвы изнасилований, и выявить предубеждения, заставляющие детективов свернуть с верного пути.

За освещение этой правдивой криминальной истории авторы получили Пулитцеровскую премию.

Содержание

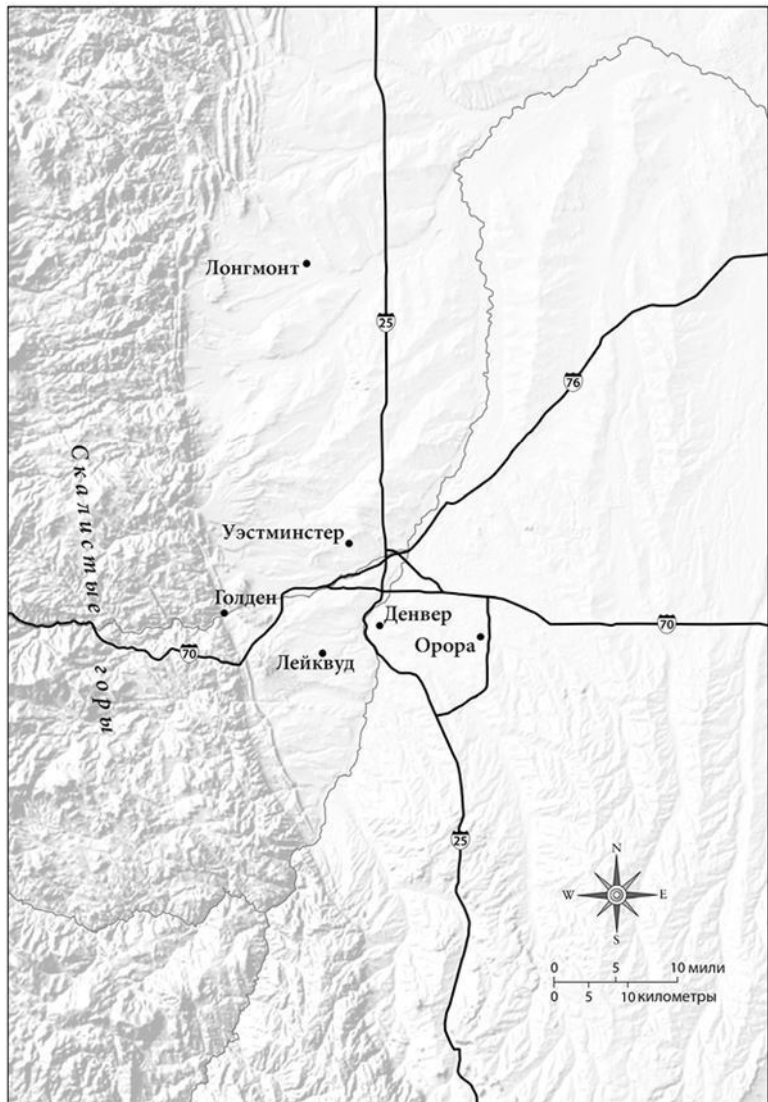
1	9
2	16
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Т. Кристиан Миллер,
Кен Армстронг
Невероятное: история
преступления, в которое
никто не поверил**

© Перфильев О.И., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ДЕНВЕР и его окрестности

СИЭТЛ и его окрестности

0 5 10 мили
0 5 10 километры

Залив Пьюджет

Диннвуд

Олимпийские
Маунтинс

Сиэтл

Кирклэнд

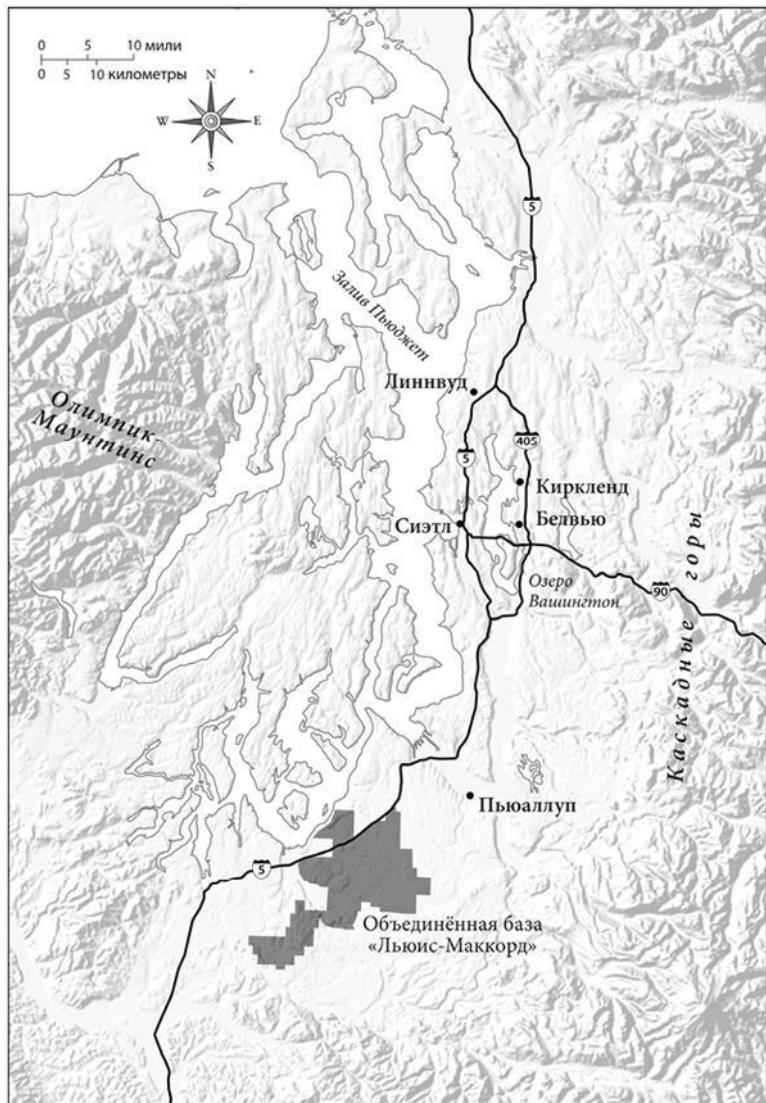
Бельвю

Озеро
Вашингтон

Каскадные
горы

Пьюаллуп

Объединённая база
«Льюис-Маккорд»

1

Мост

Понедельник, 18 августа 2008 года

Линвуд, штат Вашингтон

Мари вышла из комнаты для допроса в отделении полиции и спустилась по лестнице в сопровождении следователя и сержанта. Она уже не плакала. Внизу полицейские передали ее ожидающим. Мари участвовала в программе для молодых людей, проживавших ранее в приемных семьях. Ее ждали два менеджера этой программы.

– Ну, – спросил один из ожидавших. – Так тебя изнасиловали?

Неделю назад Мари, восемнадцатилетняя девушка с карими глазами, волнистыми волосами и скобками на зубах, сообщила о том, что ее изнасиловал незнакомец, ворвавшийся к ней в квартиру. По ее словам, он приставил ей к горлу нож, завязал глаза, связал руки и воткнул кляп в рот. За прошедшую неделю Мари пять раз пересказала эту историю полицейским. Она повторяла: худой белый мужчина, невысокий, примерно метр семьдесят ростом. В синих джинсах. В куртке с капюшоном, серой, но, возможно, и белой. Глаза – возможно, голубые. Но ее пересказ не всегда был последовательным. Полицейские также выслушали некоторых зна-

комых Мари, которые высказали сомнения в ее честности. Когда же полицейские заговорили о сомнениях, Мари стала путаться в показаниях, а затем и вовсе отказалась от них, заявив, что все выдумала. Выдумала, потому что ее приемная мать не отвечала на звонки, потому что бывший парень стал просто другом, потому что она не привыкла жить одна.

Потому что она хотела привлечь к себе внимание.

Мари вкратце описала полицейским историю своей жизни. Всего она сменила около двадцати приемных родителей. Рассказала, как ее изнасиловали в семь лет. Призналась, что испугалась, когда впервые осталась сама по себе. А что касается этой истории про насильника, то, как она сказала полицейским: «Лучше бы я ничего такого не говорила».

Сегодня же Мари, казалось, в очередной раз решила испытать терпение полиции. Вернувшись в участок, она снова сменила показания, утверждая, что в первый раз говорила правду и ее на самом деле изнасиловали. Но когда на нее надавили в комнате для допросов, снова замялась и призналась, что все выдумала.

– Нет, – ответила Мари ожидавшим ее у входа менеджерам. – Нет, меня не изнасиловали.

Два менеджера, Джана и Уэйн, работали в некоммерческом проекте «Лестница», помогавшем приемным детям пережить сложный период вступления в самостоятельную жизнь. В проекте «Лестница» тинейджеров – в основном восемнадцатилетних молодых людей – обучали повседневным

навыкам взрослой жизни, от покупок в магазине до обращения с кредитной картой. Самая же существенная помощь была финансовой. Проект «Лестница» оплачивал молодым людям проживание в однокомнатных квартирах, помогая найти свое место в Сиэтле с его дорогим рынком аренды. Уэйн был личным помощником Мари. Джана была старшим менеджером программы.

Мари с опаской ждала, что будет дальше. Судя по их лицам, вряд ли что-то хорошее. Было видно, что ее ответ не так уж их и разочаровал. И не удивил. Они сомневались в ней и раньше, как и другие. Девушка вдруг подумала, что с этого момента к ней будут относиться как к психически больной. Мари и сама спрашивала себя, уж не «свихнулась» ли она – вдруг ей действительно требуется психологическая помощь? Мари осознала свою уязвимость. Она беспокоилась о том, что теперь потеряет то небольшое, что у нее оставалось. Еще неделю назад у нее были друзья, первая работа, первое место, которое можно было назвать домом, она могла делать, что пожелает, и планировать дальнейшую жизнь. Но теперь о работе можно было забыть, как и о былом оптимизме. Дом и свобода оказались под угрозой. А как же друзья, к которым можно было обратиться за поддержкой? Неужели она осталась совсем одна?

Так получилось, что ее история вызвала большой резонанс. На прошлой неделе о ней говорили в новостях по всем телеканалам. «Женщина из западной части Вашингтона при-

зналась, что подняла ложную тревогу и зря кричала: “Волки!”», – сказал один ведущий. В Сиэтле новость освещали местные отделения ABC, NBC и CBS. Местный канал KING 5, принадлежавший NBC, показал видео с ее квартирой – камера поднимается по лестнице, задерживается у открытого окна, пока голос Джин Энерсен, самой популярной в Сиэтле ведущей, говорит зрителям: «Теперь полиция в Линвуде утверждает, что заявившая об изнасиловании женщина все выдумала... Следователи не могут сказать, почему она так поступила. Ей грозит обвинение в подаче ложного заявления».

Телевизионщики стучались в ее дверь, пытаясь получить на камеру ответ на вопрос, почему она солгала. Ей пришлось натянуть на лицо капюшон и сбежать.

История из Линвуда прогремела в Интернете и была дважды опубликована «Обществом ложных изнасилований» – в блоге, посвященном ложным обвинениям. «Еще один случай из бесконечной череды ложных утверждений об изнасиловании. И снова молодая обвиняющая – тинейджер... Чтобы подчеркнуть серьезность такого вида лжи, необходимо ужесточить наказание. Сделать его гораздо более суровым. Только в таком случае поток обвинений удастся сдержать». Некий лондонец, составляющий «международный хронологический список ложных заявлений об изнасиловании», начинающийся с 1674 года, присвоил случаю в Линвуде номер 1188, сразу за случаем девушки из Джорджии, которая «дала

согласие на секс со знакомым студентом, а потом обвинила воображаемого мужчину на зеленом “шевроле”», и случаем девушки из Англии, которая «похоже, решила отозвать свое согласие после того, как отослала знакомому смс-сообщение с признанием, как ей это понравилось!». Составитель списка писал: «Как видно из этой базы данных, некоторые женщины в любое мгновение готовы завопить об изнасиловании – чаще всего только что стянув штаны и тут же пожалев об этом».

В Вашингтоне и за его пределами этот случай в очередной раз пробудил давнюю дискуссию о том, стоит ли доверять женщинам, заявляющим, что их изнасиловали.

В новостях ее имя не сообщали. Но знакомые Мари узнали об этой истории. Ей позвонила бывшая одноклассница и спросила: «Как вообще можно лгать о таком?» Тот же вопрос ей хотели задать телеведущие. Она ничего не ответила знакомой. Просто выслушала и повесила трубку – вот и конец еще одной дружбе. Другая подруга, которой Мари раньше одолжила свой ноутбук – один из тех черных старых IBM, – отказалась его возвращать. Когда Мари спросила об этом, девушка ответила: «Если ты можешь врать, то я могу красть». Потом эта же подруга позвонила и стала угрожать Мари, утверждая, что той лучше будет умереть. Из-за таких, как она, никто не верит настоящим жертвам изнасилования. Мари называли «сукой» и «потаскушкой».

Менеджеры проекта «Лестница» объяснили Мари, что де-

лать дальше. И сказали, что, если она этого не сделает, ее исключат из программы, а в таком случае она потеряет свою съемную квартиру. Останется без дома.

Менеджеры отвезли девушку к жилому комплексу, а потом пригласили на собрание других участников проекта «Лестница» – ровесников Мари, старших тинейджеров из приемных семей или подопечных государства. Всего их было десять человек, большинство девочек. Они собрались у бассейна возле главного офиса комплекса и уселись в круг. Мари встала и рассказала всем – в том числе и соседке сверху, сообщившей в тот раз по 911 об изнасиловании, – что все это была ложь и им не о чем беспокоиться, никакого насильника в их районе нет и полиции не нужно искать его.

Признавшись, она расплакалась. Всхлипывания многократно усиливала наступившая тишина. Если кто-то и испытывал к ней сочувствие, то, по ощущению Мари, это была только сидевшая по ее правую руку девушка. В глазах всех остальных читался вопрос: «Почему ты так поступила?» и соответствующее осуждение: «Это очень плохо».

В дальнейшие недели и месяцы ей еще не раз пришлось столкнуться с последствиями своего поступка, но хуже момента, чем этот, не было.

Оставалась только одна подруга, к которой можно было обратиться, и после собрания Мари решила навестить Эшли. Водительских прав у Мари не было – только ученические, поэтому она пошла пешком. По пути остановилась на мосту.

Мост пересекал самую оживленную дорогу в штате, протянувшуюся с севера на юг, по которой бесконечным потоком катили джипы и трейлеры.

Мари захотелось прыгнуть с моста.

Она взяла телефон, позвонила Эшли и сказала: «Пожалуйста, забери меня, пока я не совершила какую-нибудь глупость».

И выкинула телефон за перила.

2

Охотники

5 января 2011 года

Голден, штат Колорадо

Всреди 5 января 2011 года, чуть позже часа дня, детектив Стейси Галбрейт подошла к длинному ряду невзрачных жилых зданий, протянувшемуся по невысокому холму. Землю покрывал грязный полурастаявший снег. Серые голые деревья отчетливо выделялись на фоне оранжевых и оливковых стен. Дул порывистый холодный ветер. Галбрейт предстояло расследовать случай изнасилования.

Квартиру на первом этаже заплотнили люди в форме. Патрульные стучали в двери соседей. Криминалисты уже фотографировали место происшествия. Парамедики ждали в припаркованной машине скорой помощи. Большинство присутствующих были мужчинами, и Галбрейт заметно выделялась на их фоне. Женщина спортивного телосложения, с вытянутым лицом, голубыми глазами и длинными светлыми волосами чуть ниже плеч – она походила на бегунью на длинные дистанции, подтянутую и собранную.

Галбрейт подошла к одному из полицейских. Тот взмахом руки указал на женщину в длинном коричневом пальто, стоящую снаружи в тусклом зимнем свете. В руке женщина

держала сумку с вещами. Галбрейт решила, что на вид ей лет двадцать, а ростом она примерно метр шестьдесят семь. Худая, с темными волосами. Выглядит спокойной.

Жертва.

Галбрейт подошла к ней и представилась.

– Хотите поговорить в моей машине? – спросила она. – Там будет теплее. И безопаснее.

Женщина согласилась. Они уселись на передние сиденья, и Галбрейт включила обогрев.

Ее звали Эмбер. Аспирантка в местном колледже. Сейчас были зимние каникулы. Ее соседка вернулась из поездки, и они отдыхали, засиживаясь допоздна и отсыпаясь днем. Иногда к ним из пригорода приезжал ее парень. Но прошлую ночь Эмбер провела одна. Приготовила себе ужин и уютно устроилась в кровати, просматривая сериал «Теория Большого взрыва». Когда она стала клевать носом, уже почти рассвело, и было слышно, как соседи собираются на работу.

Эмбер уже почти заснула, но что-то ее насторожило. В утреннем полусвете она различила нависший над ней силуэт. В голове отчаянно забегали мысли. «Мужчина в моей спальне». Лицо его закрывала черная маска. На нем была серая куртка и тренировочные штаны. Черные кроссовки. В руке пистолет. Направленный прямо на нее.

– Не кричи. Не зови на помощь, а то пристрелю, – произнес он.

В крови закипел адреналин. Эмбер перевела взгляд на пи-

столет. Она запомнила его: блестящий, серебристый, с черными отметками.

– Не бей меня, не надо, – стала умолять она.

Эмбер предложила ему деньги, какие были в квартире.

– Да пошла ты, – огрызнулся незнакомец.

Мужчина пугал ее. Он собирался причинить ей вред. Возможно, даже действительно мог убить ее. Она решила, что не будет сопротивляться. Лучше потерпеть. Лучше сделать все, что он скажет.

Он сбросил на пол черно-зеленый рюкзак. Внутри лежало все, что ему было нужно. Все его «снаряжение» было распределено по чистым пластиковым пакетам для сэндвичей. На ярлычках аккуратными буквами было выведено: КЛЯП. ПРЕЗЕРВАТИВЫ. ДИЛДО. ОТХОДЫ.

Он приказал ей снять теплые пижамные брюки и наблюдал за тем, как она натягивает на ноги тонкие белые чулки. Спросил, есть ли у нее туфли на высоком каблуке. Когда она ответила, что нет, он вытащил чистые пластиковые туфли из своей сумки. Вместо шнурков у них были розовые ленты, которыми он обвязал ее ноги. Потом снова порылся в своей сумке, достал розовые резинки для волос и сделал ей «хвостики» на голове. А где ее косметика? Эмбер вынула косметичку из ящика. Он отдавал четкие приказания. Сначала тени для век. Затем помада. Еще. Ему хотелось, чтобы цвет был более розовым. Он вынул из сумки черную шелковую ленту. «Руки назад», – приказал он и крепко связал ей запя-

стью.

В шоке Эмбер узнала ленту. Она купила ее сама, и тогда была не одна, а вместе со своим парнем. Потом несколько недель они искали ее, но никак не могли найти. Эмбер решила, что лента потерялась. Каким образом она попала к насильнику?

Следующие четыре часа мужчина насиловал Эмбер. Уставая, он отдыхал, оставаясь в одной рубашке, и пил воду из бутылки. Когда она пожаловалась на боль, он использовал смазку. Когда она сказала, что ей холодно, он прикрыл ее розово-зеленым одеялом. Он приказывал ей, что делать и как. Сказал, что она «хорошая девочка». Презервативами не пользовался.

Еще он достал розовый фотоаппарат и приказывал ей позировать. «Двигайся так, – говорил он. – Повернись сюда». Когда поза ему нравилась, он делал снимок. Мог остановиться прямо посреди изнасилования и снова начать фотографировать. Эмбер понятия не имела, сколько фотографий он сделал. Иногда он мог фотографировать двадцать минут подряд. Сказал, что эти фотографии нужны, чтобы убедить полицию в добровольности их связи. И что он выложит их на порносайте в Интернете, где их увидят все – ее родители, друзья, ее парень.

Эмбер решила: чтобы выжить, нужно вести себя как можно более естественно. Каждый раз, как он останавливался на отдых, она задавала ему вопросы. Иногда он ничего не отве-

чал. Но иногда мог говорить минут двадцать. Он подробно рассказал, как выслеживал ее. Казалось, что это его почти расслабляет.

По его словам, он наблюдал за ней через окна дома с августа. Он знал ее полное имя. Знал дату рождения, номер паспорта, номер водительских прав. Знал, что она изучает и где. Он знал, что по ночам, перед тем как лечь спать, она разговаривает со своим отражением в зеркале ванной.

И все это, как сказала Эмбер детективу, было правдой. Мужчина не врал.

Эмбер задавала наводящие вопросы о его прошлом. Он сказал, что знает три иностранных языка: латинский, испанский и русский. Что много путешествовал, был в Корее, в Таиланде и на Филиппинах. Что учился в колледже, и деньги ему не нужны. Сказал, что служил в армии и знает многих полицейских.

Как он признался Эмбер, мир, в котором он жил, был «сложным». Люди в нем были либо «волками», либо «браво». «Браво» никогда не обижали женщин и детей. Но «волки» могли делать, что хотят.

Он сам был «волком».

Лица его Эмбер не увидела. Но в разговоре с Галбрейт попыталась вспомнить как можно больше подробностей. У него были короткие светлые волосы, карие глаза. Ростом он был примерно метр восемьдесят, весом восемьдесят килограммов. На его серых тренировочных штанах были дырки

на коленках. На черных кроссовках – логотип «Adidas». Пах у него был выбрит. По телосложению немного коренастый.

По словам Эмбер, одна деталь сразу бросалась в глаза – коричневое родимое пятно на икре.

Когда он закончил, был почти уже полдень. Он вытер лицо Эмбер влажными салфетками и приказал ей пойти в ванную и почистить зубы, а потом встать под душ. Он наблюдал, как она намыливается, и говорил, какие части тела тереть. Когда она закончила мыться, приказал ей оставаться в душе еще десять минут.

Перед уходом сказал, что вошел в ее квартиру через раздвижную стеклянную дверь сзади. Посоветовал ей для верности вставить деревянный колышек в направляющую двери.

– Так гораздо безопасней, – сказал он. – Так внутрь не смогут проникнуть люди вроде него.

Потом он закрыл дверь и ушел.

Выйдя из душа, Эмбер увидела, что насильник обыскал комнату и забрал простыни и ее голубое шелковое белье. Ее розово-зеленое одеяло он оставил скомканным на полу возле кровати.

Эмбер нашла телефон и позвонила своему парню. Сказала, что ее изнасиловали. Он настоятельно советовал ей обратиться в полицию. Сначала она не хотела этого делать, но он убедил ее позвонить. Эмбер повесила трубку и набрала 911.

На часах было 12:31 дня.

Галбрейт с беспокойством слушала рассказ женщины. Черная маска. Рюкзак со «снаряжением». Судя по всему, насильник тщательно готовился, и у него, пожалуй, имелся какой-то опыт. Нельзя терять ни минуты. Расследование нужно начать прямо сейчас. На переднем сиденье патрульной машины.

Галбрейт знала, что при изнасиловании ключевыми являются три объекта: место преступления, тело нападающего и тело жертвы. Каждый может предоставить ценные зацепки. Насильник попытался устранить улики с тела женщины. Галбрейт попросила разрешения у Эмбер взять образцы ДНК при помощи стерильных зондов-тампонов, похожих на длинные и узкие ватные палочки. Оставалось надеяться лишь на то, что какие-то следы все же остались на лице Эмбер. Может, насильник что-то недоглядел и оставил какие-то небольшие отметки.

Затем Галбрейт попросила у Эмбер разрешения зайти в ее квартиру и посмотреть, к каким предметам прикасался незнакомец. И снова Эмбер согласилась. Вместе они еще раз разобрали происшедшее в хронологическом порядке. Эмбер показала Галбрейт розово-зеленое одеяло на полу, которое насильник сбросил с кровати. Показала ванную, которой тот воспользовался несколько раз. По ходу дела Галбрейт просила вспомнить подробности. Что это была за маска? Эмбер сказала, что походила не на лыжную маску (балаклаву), а,

скорее, на обмотанную вокруг головы ткань. Скрепленную булавками. Может ли она припомнить что-нибудь по поводу бутылки с водой? Да, это был бренд Arrowhead. Как выглядело родимое пятно? Эмбер нарисовала округлое пятно в виде яйца.

Вспоминая, как мужчина накидывал на нее одеяло, чтобы согреть, Эмбер назвала его «вежливым».

Галбрейт это озадачило. Как после всего случившегося можно было назвать насильника «вежливым»? И это ее беспокоило. Возможно, он ведет себя как совершенно нормальный. Возможно, он даже полицейский. «Его будет нелегко разыскать», – сказала Галбрейт себе.

Осмотрев место преступления, Галбрейт отвезла Эмбер в больницу Сент-Энтони Норт – ближайшую, где имелись сотрудники, прошедшие специальную подготовку по обращению с жертвами изнасилования. Там должны были обследовать каждый сантиметр тела Эмбер в поисках улик. Но перед осмотром Галбрейт попросила женщину еще раз кое-что уточнить. Нападавший сказал, что она была его первой жертвой, но Эмбер думала, что он лгал.

– Мне кажется, он уже делал это раньше, – сказала она.

На обратном пути к месту преступления Галбрейт много размышляла. История Эмбер казалась почти невероятной. Насильник, одетый во все черное? С рюкзаком, в который положил «инструменты» – все необходимое для изнасилования? Насилующий женщину в оживленном жилом комплек-

се на протяжении четырех часов при свете дня?

Большинство насильников так не поступали. Обычно на жертву нападал кто-то из знакомых или, по крайней мере, известных ей людей: парень, бывший ухажер, знакомый из клуба. И весь «сюжет» изнасилования вертелся вокруг вопроса «зачем он это сделал?», а не «кто это сделал?». Согласно общенациональному исследованию, в 2014 году в Соединенных Штатах жертвами изнасилования стали 150 000 женщин и мужчин, что сравнимо с численностью населения города Форт-Лодердейл во Флориде. И 85 процентов нападавших были знакомыми потерпевших.

Галбрейт поняла, что имеет дело с относительно редким явлением: изнасилованием незнакомцем. Такие случаи легче довести до судебного разбирательства, потому что здесь речь идет о том, что обвинители часто называют «праведной жертвой». Такой праведной жертвой оказывается женщина, на которую на улице нападает незнакомец с оружием. Женщина пытается оказать сопротивление и кричит, но, в конце концов, у нее не остается выбора, кроме как подчиниться. Это может быть чья-то мать или дочь. У такой женщины любящая семья, уютный дом, постоянная работа. Она скромно одевается. Не злоупотребляет алкоголем. Не слоняется по неблагополучным районам города. Обвинители охотно расследуют обстоятельства подобных происшествий. Такие изнасилования соответствуют всем ожиданиям членов жюри в отношении женщин-жертв.

Эмбер удовлетворяла некоторым из этих критериев – но не всем. Уж слишком она казалась спокойной и холодной. Она разговаривала с насильником, называла его «вежливым». Перед обращением в полицию позвонила своему парню.

Но Галбрейт это не беспокоило. Она думала о нескончаемом разнообразии жертв изнасилования, как и всех женщин вообще. Это могут быть матери, подростки, проститутки. Они могут жить в особняках или дешевых отелях. Могут быть бездомными или страдать шизофренией. Могут быть белыми, чернокожими, азиатками. Могут выпивать, а могут быть трезвенницами. И их реакция на преступление может быть самой разной. Они могут истерически плакать. Или молчать. Могут рассказать о случившемся подруге или скрывать от всех. Могут сразу же вызвать полицейских, а могут ждать неделю, месяц, даже несколько лет.

Полицейские тоже расследовали случаи изнасилования по-разному. Хотя это одно из самых распространенных преступлений против личности, по поводу него никогда не было единого мнения. Некоторые следователи с самого начала настроены скептически. Женщины ведь могут солгать о том, что их изнасиловали, и некоторые действительно лгут. Предполагается, что полицейский должен расследовать случаи сексуального насилия очень тщательно. «Не каждая жалоба обоснованна или требует уголовного обвинения», – предупреждало одно из полицейских пособий по этой теме. Дру-

гие же – включая активистов, обеспокоенных тем, как «копы» спустя рукава относятся к изнасилованиям, – предлагали метод, основанный на доверии. «Начните с доверия» – таков был лозунг одной кампании, организованной группой полицейских в целях улучшения расследования случаев, касающихся сексуального насилия.

В центре споров всегда оказывался вопрос доверия. В большинстве случаев перед полицейскими предстает жертва с очевидными признаками насилия, но не всегда. При проведении судмедэкспертизы женщина, согласившаяся на сексуальную связь добровольно, может почти не отличаться от жертвы, изнасилованной под дулом пистолета. В случае сексуального насилия вопрос доверия к жертве часто столь же актуален, как и к обвиняемому.

Когда дело касалось изнасилования, Галбрейт следовала своему собственному правилу: слушай и проверяй. «Уж слишком много людей повторяют: “Доверяй жертве, доверяй жертве”, – объясняла Галбрейт. – Но я не думаю, что это верная позиция. Я считаю, что жертву нужно выслушать. А затем подтвердить или опровергнуть ее показания на основании других фактов».

К тому времени, когда Галбрейт вернулась к жилому комплексу, у места преступления толпились уже десятки полицейских и технических работников. Галбрейт, детектив Маркус Уильямс, детектив Мэтт Коул и криминалист Калли Джипсон вошли в квартиру. Уильямс орудовал щеточкой

и ватными палочками в поисках отпечатков пальцев и образцов ДНК, а Джипсон с коллегами сделали 403 фотографии, запечатлев каждый выключатель, каждую стену, каждый угол.

Полицейские снаружи тоже делали снимки и рылись в мусорном баке. За дверью квартиры был обнаружен окурок, но Эмбер не курила. Поэтому двое полицейских, Майкл Гатке и Фрэнк Барр, прочесали окрестность в поисках любого окурка и нашли один в пепельнице снаружи соседней квартиры, один между двумя припаркованными автомобилями и еще несколько на автостоянке. Они осторожно подобрали их и поместили в пакеты для улики, чтобы потом отвезти в полицейский участок.

Другие опрашивали соседей. За два дня полицейские Голдена постучали в каждую дверь жилого комплекса – всего их было шестьдесят – и опросили двадцать девять человек. Подобно специалистам, исследующим общественное мнение, они пользовались заранее подготовленным списком вопросов: видели ли вы что-нибудь подозрительное в этом районе? Кого-нибудь с рюкзаком или какими-нибудь странными предметами? Какое-нибудь необычное транспортное средство?

Дениз Мехнерт обошла тридцать квартир в трех разных зданиях, начиная с верхнего этажа и заканчивая первым. Один жилец сказал, что несколько дней назад ночью видел какого-то «коренастого» мужчину, проходившего по ком-

плексу с фонарем на каске. Жилец из другого здания вспомнил, что после Рождества у комплекса парковался дом на колесах. Его сосед сказал, что видел владельца этого автодома. Он был в шляпе с широкими полями и «средних лет». Никто не помнил, чтобы видел кого-то, точно похожего на описание насильника.

В случае сексуального насилия вопрос доверия к жертве часто столь же актуален, как и к обвиняемому.

На заднем дворике Эмбер патрульный обнаружил следы. Один из них выделялся особо: расположенный отдельно от других след обуви, сохранившийся на клочке хрустящего снега. Джипсон попыталась сделать копию с помощью воска для снега – липкого вещества, которое разбрызгивают из баллончика и которое не должно дать снегу растаять. Но воск не прилипал к отпечатку. Поэтому она побрызгала на след флуоресцентной оранжевой краской. Неожиданно он засиял на белом фоне, похожий на отпечаток астронавта на лунной поверхности. Это было немного, но хотя бы что-то.

Галбрейт подбадривала следователей и криминалистов. Позже в тот же день кто-то из полицейских предложил устроить перекур.

– Продолжайте работу! – настаивала Галбрейт.

Место преступления она покинула гораздо позже наступления темноты.

Галбрейт выросла в Арлингтоне, самом заурядном приго-

роде Далласа в Техасе. Прежде ее отец был управляющим ресторана, потом программистом. Мать работала инженером-аналитиком в нефтяной компании. Они развелись, когда Галбрейт было три года; чуть позже мать вышла замуж снова. Девочка поддерживала связь с обоими родителями и их новыми пополнявшимися семьями.

В школе она была умницей, водившейся с хулиганами. Считала себя бунтаркой. Состояла в баскетбольной команде, но однажды ее отстранили на несколько игр, застав курящей в компании друзей. Она особо и не скрывалась: директор в бинокль увидел ее возле школьного спортзала с сигаретой в руке.

Окончив школу, Галбрейт поступила в колледж при Университете Северного Техаса. Собиралась попробовать свои силы в журналистике, хотя и не видела себя в будущем репортером. Ей нравились занятия по психологии. Серийные убийцы, насильники – все это очень занимало ее. «Мне нравилось разбираться, как работает сознание людей и как оно влияет на их поступки», – утверждает Галбрейт. Наконец советник колледжа предложил ей заняться уголовным правом. Она начала посещать курс по праву и общаться с полицейскими. Это ей понравилось. В основе работы полицейских – помощь людям, что находило отклик в ее душе. «Да, это общие рассуждения, но мне действительно нравится помогать. И еще нравится, когда люди несут ответственность за плохие поступки».

И все же Галбрейт решила не устраиваться в полицию сразу после окончания колледжа. Ей казалось, она не совсем подходит для такой работы. Уж слишком она дерзкая и несговорчивая. Слишком независимая. Может, даже не совсем добропорядочная.

– Я хотела стать полицейским, но думала – о нет, наверное, я не подойду, – говорит она. – Я недооценивала себя.

Она вышла замуж и вместе с мужем переехала в Колорадо, где он занимался починкой автомобилей. Там она устроилась на работу в тюрьме. Ее коллегам-охранникам нравилась такая работа.

– Лучшая из всех, что у меня были, – признавался один из них. – Вообще ничего не надо делать. – Но Галбрейт ее ненавидела, как раз потому, что ничего не надо было делать. Она работала в ночную смену и пересчитывала спящих заключенных, едва не сходя с ума от скуки. «Это не для меня, – повторяла она себе. – Мне нужно чем-то заниматься. Делать что-то полезное».

Тем временем брак ее разваливался: мужу не нравилась мысль о том, что его жена проводит все дни напролет в компании других мужчин. Они развелись. Галбрейт не жалела. «Я ни о чем долго не раздумываю. Просто иду вперед».

Затем произошло одно из тех неожиданных событий, которые меняют всю жизнь. Еще только приехав в Колорадо, Галбрейт подала заявление на работу в полиции Голдена – небольшого тихого городка, где начинают свою ка-

рьеру многие полицейские. Первой подвернулась вакансия в управлении исполнения наказаний, поэтому она и устроилась в тюрьму. Но через семь недель из Голдена позвонили и предложили на испытательный срок должность патрульного в ночной смене.

В тот же день Галбрейт уволилась из тюрьмы.

Голден более всего известен как место расположения штаб-квартиры пивоваренной компании Coors, основанной в 1873 году. Крупнейший в мире пивоваренный завод растянулся по всей долине к востоку от городка – огромная территория с серыми зданиями, стальными конструкциями и дымящими трубами, словно сошедшими со страниц романов Диккенса. Каждый год из этого комплекса выходят миллионы баррелей пива, направляясь в студенческие клубы, на спортивные матчи и на вечеринки, где дамам продают «два бокала по цене одного».

Но если пиво Coors и ассоциируется с веселыми пирушками, то сам городок Голден производит совсем другое впечатление. В историческом центре у подножия Скалистых гор проживают около девятнадцати тысяч человек. Город был основан в 1859 году во время «золотой лихорадки» у горы Пайкс-Пик и некогда был даже столицей Колорадо. В нем сохранилась атмосфера Запада. В центре выстроились большие банки и магазины с дощатыми фасадами. Городской совет размещается в старом здании капитолия штата. Многие

жители держат лошадей. По улицам расхаживают лоси и олени.

На Рождество 2003 года Галбрейт впервые вышла на дежурство без офицера-инструктора. Она отметила это достижение с коллегой по полицейскому департаменту Голдена Дэвидом Галбрейтом, который позже стал ее мужем. Вскоре было получено и первое задание: Галбрейт велели убрать труп собаки на 70-м Шоссе, оживленной дороге между штатами, по которой в час проезжает 8541 автомобиль и которая проходит через Денвер. Прибыв на место, она обнаружила уже двух собак, угодивших под колеса и мгновенно разлетевшихся на кусочки. За время подготовки никто никогда не рассказывал ей, как убирать трупы собак со скоростного шоссе. Она остановила машину посреди дороги, заблокировала движение, после чего поместила останки в пластиковый мешок и оттащила в сторону. Где заодно избавилась и от съеденных ребрышек.

«Ведь я должна это сделать. Как-то должна сделать», – повторяла она себе.

Эти слова стали ее жизненным девизом. Галбрейт не любила жаловаться. Не любила оправданий. Она хотела делать свое дело. И для его исполнения готова была работать девять часов в неделю.

В 2007 году, беременная своим первым ребенком, Галбрейт подала заявление на работу детективом. Следственный отдел был невелик – всего один начальник и три следовате-

ля. Но поскольку Дэвид тоже работал в ночную смену, имело смысл чередовать семейные дела и работу. Кроме того, Галбрейт не была лишена честолюбия. В службе правопорядка детективы часто занимают самое выгодное положение. Получают самые крупные дела. Часто больше зарабатывают. Они – «круглые отличники» в школе уличных полицейских. «Я должна это сделать», – говорила она себе.

И она получила эту работу, не без некоторых нежелательных последствий. Некоторые полицейские в Голдене перешептывались, что ее назначили детективом только из-за беременности – как бы из желания сохранить в штате. Эти разговоры выводили Галбрейт из себя. Но она отвечала на них единственным известным ей способом: работала еще усерднее.

В маленьких городках детективы расследуют любые преступления. Но Галбрейт осознала, что ее больше привлекают инциденты, связанные с сексуальным насилием. Один случай касался тинейджера, который приставал к живущему по соседству десятилетнему мальчику. Две семьи поддерживали тесную связь, как и все в этом районе. Жены вместе распивали вино, дети играли друг с другом, мужья совместно проводили выходные. Обвинение внесло суматоху в их размеренную жизнь.

– Оно перевернуло всю округу, – говорит Галбрейт.

Вместе с коллегой она допросила жертву. Воспоминания мальчика были четкими и конкретными. Он сказал, что об-

виняемый пристал к нему на диване. Он помнил подробности: например, какая обивка была на этом диване. Вроде бы пустяк, но достаточно, чтобы Галбрейт убедилась в том, что мальчик не выдумывает. А когда родители обвиняемого позволили поговорить с их сыном, тот отвечал уклончиво. Сидя рядом с отцом, тинейджер расплакался. Галбрейт с коллегой вышли на крыльцо.

Если в случае убийства часто черное было черным, а белое белым, то при изнасиловании все выглядело размыто и неопределенно.

– Я его собираюсь арестовать, – сказала она.

– Ты точно все продумала? – спросил он.

– Очень большая вероятность правды. Пусть присяжные решают.

На суде тинейджера признали виновным. Проживавшие в районе семьи обвиняли во всем Галбрейт. Они видели в ней не в меру усердного и стремившегося выслужиться полицейского, испортившего парню будущее. Галбрейт же воспринимала это как торжество справедливости: «А что, если бы он сделал это с другими? Что, если бы продолжил так поступать? Если остановить его сейчас, вероятно, у нас не возникнет больше жертв в будущем».

Многие детективы по возможности избегали случаев, связанных с сексуальным насилием. Такие дела ценились не так высоко, как убийства; никто не снимал фильмы про изнасилования. Если в случае убийства часто черное было черным,

а белое белым, то при изнасиловании все выглядело размыто и неопределенно. И жертвы изнасилования были живыми, им было больно и неприятно. Их боль была ощутима, и от них невозможно было отмахнуться.

В какой-то степени справляться с переживаниями при расследовании изнасилований Галбрейт помогала вера. Вместе с мужем они были воспитаны в баптистской среде и повторно пришли к вере во взрослом возрасте. В Колорадо они посещали надконфессиональную евангелическую церковь и иногда даже следили за безопасностью воскресных служб.

– Я знаю, что Он даровал мне определенные силы, поэтому я должна использовать их. Даже если это больно, – говорит Галбрейт.

Особенный отклик в ее душе находил один отрывок из Библии. В Книге Исаии (6:1–8) говорится о том, как Бог предстал перед ним в окружении серафимов и искал того, кто мог бы распространять Слово. Он вопрошал: «Кого мне послать?» И Исаия услышал свой голос: «Вот я. Пошли меня!» Галбрейт считала, что тоже ответила на этот призыв. Она поступила на работу в полицию, чтобы помогать людям. И вот перед ней жертвы, которым нужна помощь в самый темный для них час. Она не всегда знала, как сделать так, чтобы им стало лучше. Но знала, что должна найти путь.

«Меня спрашивают: “Почему ты берешься за дела, связанные с сексуальным насилием и детьми?” Я не нахожу в этом никакого удовольствия. Но кто-то же должен это де-

лать. И кто-то должен делать это хорошо».

Когда Галбрейт подъехала к своему дому, уже было темно. Она чувствовала себя полностью измотанной. Незадолго до этого пришлось искать место для ночлега Эмбер, которая была слишком напугана, чтобы оставаться в своей квартире. В конце концов, один из полицейских вызвался отвезти девушку к подруге.

Дэвид уже помыл посуду и уложил детей спать. Эти несколько часов они могли посвятить себе. Как и другие работающие супруги, они обсуждали события своего трудового дня, только истории Галбрейт часто оказывались мрачными.

Так было и тем вечером. Стейси описала мужу некоторые подробности дела, рассказала про мужчину в маске. Про изнасилование, длившееся четыре часа. Про сделанные насильником фотографии.

– И только представь себе, под конец он заставил ее мыться в душе.

Дэвид долго не решался что-то сказать, но все же не сдержался. В 2008 году он оставил работу в Голдене, чтобы устроиться полицейским в Уэстминстере, еще одном пригороде поблизости. Пять месяцев назад в полицию Уэстминстера заявили об изнасиловании в жилом комплексе. Дэвид тогда патрулировал комплекс в поисках подозрительных людей. Он слышал, что преступление совершил мужчина в маске. И что он фотографировал женщину. И что перед уходом

заставил жертву помыться в душе.

– Утром первым же делом позвони в мое отделение, – сказал он Стейси. – У нас был похожий случай.

3

Взлеты и падения

10 августа 2008 года

Линвуд, штат Вашингтон

Это было не бог весть что – совершенно обычная квартира с одной спальней в совершенно обычном жилом комплексе. Не так уж много мебели, да и та по большей части пластиковая. Она прислонила к стене две свои гитары, обе акустические. Компьютерный монитор поставила на полу в углу.

Не бог весть что, но ее, личное. Первое место, которое она могла назвать своим после долгих лет жизни в домах других людей. Мари гордилась этим местом. Она гордилась тем, что у нее вообще есть свое место. Она знала, что многие из подобных ей рано или поздно оказываются в тюрьме, в центре реабилитации для наркозависимых или на улице.

В это воскресенье она занималась уборкой. Ей нравилось, когда вокруг чистота и порядок. Она прошла по дому, прикидывая, что убрать, а что оставить. Ненужные вещи вынесла в кладовку на заднем крыльце. При этом она постоянно открывала и закрывала стеклянную дверь.

Остаток дня планировала провести с друзьями в церкви. Другие восемнадцатилетние в первые месяцы независимости предпочли бы провести выходные в поисках приключе-

ний, проверяя границы дозволенного. Но Мари хотела оступиться. Она находила удовольствие в нормальной жизни, что было не так уж и странно, если учесть, сколько всего ей пришлось пережить.

Позже психологическое состояние Мари будет оценивать Джон Конте, профессор Вашингтонского университета, специалист по психическому здоровью и детским психологическим травмам. Конте расспрашивал Мари пять часов и составил длинное экспертное заключение, включавшее в себя раздел об истории развития:

Со своим биологическим отцом она встречалась лишь однажды. Утверждает, что не так уж много знает о своей биологической матери, которая, по ее словам, часто оставляла ее на попечение своих партнеров... Утверждает, что проживала в приемных семьях с шести или семи лет.

Конте продолжает писать тем же сухим, клиническим языком, хотя речь шла о крайне мрачных вещах. Как упоминается в отчете, жизнь Мари до опеки складывалась «в основном из неблагоприятных событий».

Она считает, что какое-то время жила с бабушкой, которая не слишком хорошо «заботилась о ней». Помнит, что голодала и ела еду для собак. Она не помнит, чтобы ее биологическая мать ухаживала за ней. Она помнит, что ее подвергали физическим наказаниям (например, били по рукам мухобойкой).

Она не знает, посещала ли детский сад. Кажется, ей пришлось дважды учиться во втором классе, и иногда она пропускала школу. Помнит, что не любила полицейских, потому что они забирали ее и братьев с сестрой из дома. Она подвергалась сексуальному и физическому насилию. Сексуальное насилие, по ее словам, происходило часто. Она вспоминает, как их собаку избивали многочисленные партнеры матери.

Она вспоминает, что, перед тем как ее забрали из дома, они несколько раз переезжали из штата в штат...

Что касается проживания под опекой, Конте приводит следующие подробности:

Достаточно сказать, что ситуация была типичной для детей, находящихся под государственной опекой: многочисленные переезды, частая смена мест проживания (домов) и школ, появление и исчезновение очередных опекунов и профессионалов, травмирующие впечатления и в целом недостаток постоянства.

Мари была вторым ребенком из четырех детей своей матери. Это были ее единоутробные братья и сестра, но они себя так не называли. «У меня были старший брат, младший брат и младшая сестра», – говорит Мари. Иногда она попадала в один приемный дом со своими братьями и сестрой. Но по большей части они жили раздельно. Имеются ли у нее братья или сестры со стороны отца, она не знает.

Мари с ранних лет принимала средства от депрессии. «Я сменила семь разных препаратов. Золофт – лекарство для

взрослых. Но я его принимала с восьми лет».

Самое тяжелое, по ее признанию, было оставаться в неведении о том, как устроена программа государственной опеки. Взрослые не объясняли, почему ей нужно переезжать. Они просто перевозили ее. Она сменила «возможно, десять или одиннадцать» приемных семей и дважды попадала в групповые дома. Она предпочитала проводить время вне дома, но иногда, наоборот, не выходила на улицу. «В Беллингеме я постоянно сидела одна в своей комнате. Играла со своими плюшевыми животными».

Постоянная смена школ также оказалась тяжелым испытанием. Для Мари это стало обыденностью. «Начинать все сначала, заводить новых друзей. Было нелегко, но я привыкла».

Переход в старшую школу казался концом нестабильности. Многие ученики волнуются перед переходом в старшие классы, но Мари не могла дождаться этого дня. В десятый класс она пошла в Пьюаллупе, километрах в пятидесяти от Сиэтла. Записалась на все занятия, которые хотела посещать. Завела много новых знакомых. Что важнее, она переехала в новую семью, которая ей нравилась. В этой семье ее любили. И планировали удочерить.

– Это было здорово, – говорит Мари.

Но в первый же день занятий Мари вызвали с уроков. Представитель службы поддержки сказал ей: «Ты больше не можешь жить в этой приемной семье. У них отобрали ли-

цензию». Большого он сказать не мог из-за обязательства по неразглашению. Мари снова пришлось все оставить. «Я чуть не расплакалась, – говорит она. – Мне дали едва ли не двадцать минут на сборы».

В качестве временной меры Мари определили в семью Шэннон и Джино в Белвью – оживленном высокотехнологическом центре с высотными зданиями, расположенном к востоку от Сиэтла. Шэннон, риелтор и приемная мать со стажем, познакомилась с Мари на встречах с детьми с тяжелым прошлым и почувствовала в ней родственную душу. Обе они были «слегка чокнутыми», как говорит Шэннон. «Мы смеялись друг над другом и шутили. Мы были во многом похожи».

Обе быстро нашли общий язык. Для Шэннон Мари была просто «приятной и симпатичной». Мари не жаловалась на то, что ей довелось пережить. И не думала о том, что ее ожидает. Шэннон не нужно было заставлять Мари ходить на занятия, хотя школа находилась довольно далеко. Мари умела поддерживать беседу со взрослыми. Она охотно чистила зубы, расчесывалась; говоря проще, с ней «было легко» – по крайней мере, «гораздо легче, чем с другими детьми». Мари с радостью осталась бы в Белвью, и Шэннон тоже этого хотелось. Но в то время у них с мужем на попечении уже был приемный ребенок – девочка-подросток, требовавшая пристального внимания. Иначе они, как утверждает Шэннон, «взяли бы Мари, не задумываясь».

Через пару недель Мари покинула дом Шэннон и переехала к Пегги, которая работала защитником детей в приюте для бездомных и жила в Линвуде, небольшом городке километрах в двадцати пяти от Сиэтла.

«Она была моим первым приемным ребенком. Я готовилась взять младенца. Купила колыбель. А мне дали шестнадцатилетнюю, – вспоминает Пегги. – Но это было неплохо. У меня была кое-какая подготовка в области психического здоровья, и я действительно довольно долго работала с детьми. Наверное, в агентстве подумали: “Ну, она справится”. Вот так и получилось».

Пегги получила описание истории жизни Мари на сотне страниц с длинным списком мест проживания.

– Просто сердце разрывалось, – говорит Пегги. Она прочитала многое, но не все. – Иногда не хочется знать всего. Хочется просто посмотреть на ребенка, без всякого предвзятого мнения, понимаете? Не хочется навешивать на него ярлыки. Когда я встречаюсь с ребенком, я хочу видеть его таким, какой он есть.

На взгляд Пегги, они неплохо ладили с самого начала. «Мари походила на маленькую девочку. Гуляла вокруг дома, заходила во двор, все проверяла. “О, смотри, как здорово!” Была такой оживленной, энергичной, но временами становилась эмоциональной, очень эмоциональной». Мари переживала, что ее забрали из дома в Пьюаллупе. Пегги разрешила ей подолгу разговаривать по телефону, чтобы поддерживать

связь с оставшимися там друзьями. В итоге Мари наговорила на крупную сумму.

– Я даже удивилась, насколько легко она справляется, – говорит Пегги. – Она пошла в новую школу. И в самом деле, удивительно. Могла бы просто заявить: «Не буду ходить в школу». Но она так не сказала, а пошла, и делала все, что ей говорили. Выполняла работу по дому. Меня очень впечатлила ее стойкость.

Но такого рода отношения – между приемной матерью, для которой это первый ребенок, и подростком со сложной психологической историей – неизбежно сопряжены с трудностями. Так и оказалось. «Временами она была очень напряженной, – вспоминает Пегги. – Трудно любить кого-то, кого ты узнала так поздно. Ей было шестнадцать лет, и она уже была сердита на мир. Тогда мне казалось важным помочь ей войти во взрослую жизнь. Но трудно начинать это с тем, кому уже шестнадцать. Не знаю, как она сама это воспринимала, но...»

Мари считала, что между ними мало общего. Девочке нравились собаки, а Пегги – кошки. Мари нравилось гостить у других детей. У Пегги она была предоставлена сама себе.

– Поначалу мы и характерами не сходились, – вспоминает девушка. – Трудно было найти общий язык.

Мари поддерживала связь с несколькими приемными родителями, особенно с Шэннон. Пегги не возражала. Вскоре она и сама подружилась с Шэннон. Обе приемные матери

делились мыслями о Мари и в каком-то смысле вместе воспитывали ее. У Шэннон была копна непокорных кудряшек и веселый нрав. Они с Мари катались на лодке, гуляли в лесу, вместе садились на диету, на протяжении нескольких недель подсчитывая калории. Мари делилась с ней своими переживаниями; она всегда могла обнять Шэннон и поплакать. Иногда девочка оставалась ночевать в ее доме.

Пегги была сторонником дисциплины. Родителем, который настаивает на том, чтобы ребенок обязательно был дома к определенному часу. Ей Мари порой казалась слишком необузданной и эксцентричной.

– Очень, очень вызывающее поведение, – говорит Пегги. – Например, может войти в магазин с друзьями и начать кататься на тележке. Вести себя по-настоящему глупо.

Пегги с ее аналитическим складом ума и постоянными советами «умерь пыл» была не так близка к Мари, как Шэннон. – Мы были разными, – признает Пегги.

Пегги было неприятно видеть, как Мари борется за признание. Только переехав к Пегги, она носила темную одежду, даже немного запущенную и нестиранную. Но потом выбрала пальто с белым воротником, потому что, по ее мнению, такое должны носить девочки, а затем засунула его подальше в шкаф, когда оказалось, что это не так. Пегги видела, что Мари не совсем довольна школой. Это была типичная школа из фильмов, со всеми клише, вроде «групп по интересам», «чирлидерш» и «качков». Мари была скорее «твор-

ческой личностью», увлекавшейся рисованием и музыкой.

Вместе Пегги и Мари нашли другую школу, которая подходила девочке лучше.

А потом произошло еще одно событие.

Через подруг Мари познакомилась с Джорданом, старшеклассником, работавшим в «Макдоналдсе».

– Мы встречались в магазине, а потом гуляли по школьному двору, ну, знаете, как обычно гуляют, часами, – вспоминает Джордан об их первых свиданиях. Вскоре дружба переросла в нечто большее. Джордану Мари казалась радостной и легкой в общении, несмотря на тяжелое прошлое. – Просто хороший человек, с которым приятно находиться рядом... С ней никогда не нужно было скрывать своих чувств. Она не говорила ничего такого, что бы их задевало. Она не добивалась внимания со стороны друзей и знакомых. Никогда ничего не делала из ряда вон выходящего или прямо сумасшедшего.

Джордан воспринимал Мари иначе, чем Пегги, но это не должно удивлять. Пегги считала, что Мари хочется внимания. Джордан же думал, что она избегает внимания. Подростки часто ведут себя по-разному с друзьями и родителями. Но в случае Мари все немного сложнее.

– Люди воспринимают меня иначе, чем я сама, – утверждает она. Мари считала себя дружелюбной, общительной, не склонной к театральности или кокетству.

По оценке Мари, самое счастливое время в ее жизни –

в шестнадцать-семнадцать лет, а самый счастливый день – возможно, тот, когда подруга, старшеклассница, обучала ее премудростям фотографии.

– Я часами находилась на пляже, наблюдая за закатом, и это было мое любимое занятие, – говорит Мари. – Особенно мне нравилась одна ее фотография. Мы пришли к океану, часов в семь вечера. Не знаю, что на нас нашло, но я запрыгнула в воду, а потом выпрыгнула и откинула назад волосы.

Подруга запечатлела этот момент. После она немного отредактировала снимок, затемнила некоторые участки. Мари походила на русалку, появляющуюся из приливной волны в лучах заходящего солнца.

Мари выложила фотографию на Myspace и сохранила в онлайн-альбоме на Photobucket.

Перейдя в выпускной класс, Мари решила оставить школу, получив эквивалентный диплом о среднем образовании. Этот последний проведенный с Пегги год был отмечен напряжением в отношениях, как это типично для многих подростков с родителями. Мари настаивала на своем, поздно приходила домой. Пегги же пеклась о дисциплине и утверждала, что необходимо соблюдать правила.

– Так нельзя, – говорила Пегги.

Мари отвечала:

– Не тебе указывать, что мне делать.

На взгляд Шэннон, это был один из тех периодов непокорности, что сопровождают любой переход к зрелости: «Же-

ление делать то, что хочется. Нежелание следовать правилам. Она экспериментировала со стилями одежды, пробовала различные пути. Как и многие другие подростки. Начала курить, все такое». Весной 2008 года Мари исполнилось восемнадцать. Она могла остаться с Пегги при условии соблюдения правил. Но Мари хотелось начать жить самостоятельно.

В Интернете Пегги нашла проект «Лестница» – запущенную годом ранее пилотную программу. Эта программа финансировалась в основном за счет государственных грантов и предоставляла жилье молодым людям, ставя себе целью сокращение количества бездомных. Участники программы учились самостоятельности и «финансовой грамотности». Частные домовладельцы получали гарантированную ренту и вклады. Всего в проекте «Лестница» было пятнадцать мест для детей, находящихся на государственном попечении, но Мари удалось в нее попасть. Она переехала в жилой комплекс в Линвуде, благодаря чему могла оставаться неподалеку от Пегги.

В 1920-х годах, за несколько десятилетий до того, как Линвуд получил свое нынешнее название, этот городок славился птицефермами, производя за год столько яиц, что их хватило бы, «чтобы выложить от Нью-Йорка до Сан-Франциско». В настоящее время жители Сиэтла воспринимают Линвуд в основном как Мекку розничной торговли. Главной достопримечательностью города является торговый центр

Олдервуд-молл со 165 магазинами, от Abercrombie & Fitch до Zumiez. Жилой комплекс Мари выходил на Cascades и располагался недалеко от торгового центра, в нескольких кварталах.

Мари решила, что, как только встанет на ноги, запишется в колледж и будет изучать фотографию. На цифровой Nikon она снимала животных, насекомых и разнообразные живописные виды. Она гуляла по пляжу с выброшенными на берег корягами и снимала отпечатки собачьих лап на песке. Или солнце над заливом, или снежные шапки Олимпик-Маунтинс над волнами. Но пока что она устроилась на работу в Costco, клубный магазин-склад, славящийся щедрыми окладами и льготами. Мари предлагала посетителям образцы продуктов. Ее вовсе не беспокоило, что приходится проводить на ногах шесть часов подряд. Ей нравилось общаться с людьми, тем более что не нужно было убеждать их совершать покупки. Работа также позволяла ей заводить знакомых вне круга приемных детей.

Итак, у Мари было свое жилье, доход и диплом, эквивалентный диплому о среднем образовании. Она получила поддержку в проекте «Лестница». Она жила под боком у Пегги. В конце концов, ей удалось преодолеть все неприятности – оскорбления, нестабильность, голод. Она поставила себе простую цель, вполне достигаемую. «Я хотела быть нормальной. Хотела стать обычным человеком, у которого есть работа и дом. Я просто хотела жить, как все. По возможно-

сти счастливо». Мари не хотела, чтобы все плохое из ее прошлого влияло на нынешнюю жизнь.

Закончив уборку по дому, Мари отправилась с Джорданом в церковь. Они встречались более года, но два месяца тому назад решили побыть просто друзьями. Джордан заинтересовался вероучением свидетелей Иеговы, осуждавшим добрачный секс, и боялся показаться лицемером, если они с Мари продолжат встречаться. Но все же их отношения оставались довольно близкими. Они оба страдали от бессонницы и ночью часами разговаривали по телефону. Они даже говорили о том, что когда-нибудь поженятся.

Вечером Мари посетила Эшли – подругу, с которой познакомилась во время подготовки к диплому. Мари еще не получила водительские права – у нее были ученические, – поэтому они договорились о том, что ее отвезет домой мать Эшли. Когда они подъехали к дому, оказалось, что Мари забыла ключи – она часто забывала ключи или телефон. Поэтому пришлось возвращаться к Эшли, а потом опять ехать домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.